

Н.С. Лапин*

*Институт истории государства КН МОН Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: lapin.79@mail.ru)*

Избрание и утверждение казахских ханов в условиях укрепления позиций Российской империи во второй половине XVIII в.

В статье исследована проблема функционирования ханской власти в казахском обществе во второй половине XVIII века. В это время предпринимаются попытки российской пограничной администрации усилить влияние на казахское общество, что проявлялось в политике направленной на трансформацию процедуры избрания и легитимации казахских ханов. Целью статьи является изучение проблемы избрания казахских ханов в условиях попыток имперской администрации оказать влияние на процесс и процедуру избрания и утверждения казахских правителей в ханском достоинстве во второй половине XVIII века. Важной задачей является показать, как реализовывались эти попытки и к каким результатам привели. Другая задача — показ на основе архивных материалов процедуры избрания и утверждения казахских ханов и тех новаций, которые появились под влиянием русских властей. В статье использованы документы, извлеченные из АВПРИ, РГАДА, РГВИА, а также опубликованные материалы. С середины XVIII века предпринимаются попытки оренбургской администрации оказать влияние на избрание казахским ханом Нуралы, ставшего первым казахским правителем, который был утвержден в ханском достоинстве русским монархом. Однако введение данной новации затянулось, что, в первую очередь, было связано с позицией султана, а затем хана Аблая. Несмотря на очевидное влияние Российской империи на процесс утверждения казахских правителей ханами, на протяжении всего XVIII и даже позднее казахи сохранили многие элементы, связанные с самой процедурой избрания и провозглашения ханов.

Ключевые слова: Казахские ханства, Российская империя, оренбургская администрация, XVIII в., ханская власть, избрание, конфирмация, присяга, хан Нуралы, хан Аблай.

Введение

История выборной системы Казахского ханства в новое время, т.е. с начала XVIII века, весьма актуальный вопрос. Новое время стало во многом рубежным для истории Казахстана, как в связи с внутренними, так и внешнеполитическими изменениями, повлиявшими на геополитическую конфигурацию в регионе. В это время Казахское ханство фактически вступило в полосу перманентного кризиса, что способствовало усилению позиций в казахских землях соседних государств (Государства ойратов (Джунгария), Цинской и Российской империй).

В течение нескольких десятилетий после установления регулярных отношений между казахским ханствами и Россией в первой половине XVIII столетия в казахском обществе стали происходить изменения в политической, экономической и социальной сферах. Усиление влияния Российской империи в пограничных с казахами регионах отразилось на их традиционной выборной системе, в первую очередь, на процедуре ханских выборов.

Институт ханской власти является важнейшим политическим институтом кочевой государственности в позднее средневековье и новое время, существование которого и в условиях укрепления позиций Российской империи в регионе продолжало играть важную роль в политической организации казахов.

Ханская власть у казахов, непосредственно, проблемы, связанные с избранием ханов, уже не становились объектом внимания как современных казахстанских, так и зарубежных, в первую очередь, российских авторов. При этом внимание исследователей к институту ханской власти у казахов стало проявляться практически одновременно с началом упрочения позиций России на границе с казахскими ханствами в начале нового времени и получило продолжение уже в новейшее время.

Среди исследователей разных эпох, которые внесли несомненный вклад в изучение проблемы, нужно назвать П.И. Рычкова, А.И. Левшина, М.П. Вяткина, Т.И. Султанова, Ж.К. Касымбаева, И.В. Ерофееву, А.К. Котова, Е.К. Нурпеисова, В.В. Трепавлова, А.Ю. Быкова, Д.В. Васильева и многих других. Благодаря их усилиям были в значительной степени исследованы вопросы функционирования ханской власти в Степи, ее атрибутов, символов и ряд других.

В источниках относительно представлены вопросы, связанные с утверждением казахских правителей в ханском достоинстве российскими имперскими властями. В частности, имеются отдельные описания разработанного русскими властями церемониала конфирмации претендента, включавшего торжественную встречу ханов, принесения ими клятвы, вручение даров и т.п. Вместе с тем вопросы, например, связанные непосредственно с функционированием ханской власти у казахов, и особенно процессом избрания ханов, редко попадали на страницы документов той эпохи. Особенно редки описания и свидетельства участников или очевидцев самого процесса избрания ханов.

Отталкиваясь от хотя и довольно скудных данных исторических источников того времени, можно попытаться реконструировать не только саму процедуру возведения в ханы, но и определить, как на выборный процесс влияла русская приграничная администрация и, в целом, имперские власти.

Материалы и методы

В настоящей работе нами использованы как архивные, так и опубликованные источники. В частности, использованы документы АВПРИ, РГАДА, РГВИА [1–4]. Определенный массив исторических источников, в которых отражены аспекты выборной системы казахских ханств в новое время, содержится в опубликованных сборниках документов и материалов различных годов [5–9].

Результаты

Для начала следует сказать о собственно ханской власти у казахов в новое время. Династия казахских ханов-чингизидов к XVIII в. представляла собой потомков султана Джадика, одного из сыновей хана Джанибека наряду с Гирей ханом стоявшего у истоков создания Казахского ханства во второй половине XV века [10; 155–156, 192]. Особый генеалогический статус казахских чингизидов признавался не только внутри казахского социума, но и в соседних, полукочевых и оседло-земледельческих сообществах Евразии [11; 85, 12; 119–129, 8; 467–468, 475].

Ханский титул, несмотря на его явный признак монархического правления у казахов, не всегда являлся наследственным. При этом весомое значение имели личный авторитет и личная харизма претендента на ханство [13; 131]. Рациональность такого подхода заключалась в том, что «сыновья правящего хана не всегда имели возможность, да и не должны были получать власть, не прилагая к этому усилий, так как теряется стимул для правящего хана. Он будет пассивен, зная, что власть навечно останется у его потомков» [14; 78].

По авторитетной оценке Т.И. Султанова, даже в изменившихся обстоятельствах нового времени, когда все большую роль в регионе стала играть Российская империя, особенно во второй половине XVIII в., петербургское правительство сохраняло этот принцип [10; 85].

Однако соблюдение принципа меритократии при достижении ханского титула являлся, хотя и необходимым и важным условием, но далеко не единственным. Действовали в разной степени и другие условия, например, старшинство в роде или прямое наследование и, самое главное, выборность. Она означала, что ханом можно было стать только в результате выборов, хотя они были нередко откровенно формальными, особенно если речь шла о политически сильных лидерах вроде ханов Аблая или, например, Кенесары.

Ханский титул является ключевым политическим атрибутом государственности в кочевом обществе. Основными функциями ханской власти в Казахстане являлись военно-политическая и судебная деятельность, разрешение межобщинных противоречий и конфликтов [10; 72]. Однако далеко не каждый степной владыка обладал в полной мере этими правами. Как отмечали весьма осведомленные современники (речь идет о событиях конца XVIII века): «хан в народе киргиз кайсацком ничто более не значит, как только выбранной, по обыкновению от всего народа поверенной доколе народная доверенность к нему продолжается, о делах до всего общества принадлежащих, с другими соседними народами, должен иметь попечение и при сих случаях, только судить дела до целого общества касающиеся, а иногда и частные до родов» [4; 6].

Т.И. Султанов в своих исследованиях ханской власти подчеркивает, что полная концентрация власти в руках одного хана у казахов достигалась весьма редко [10; 73]. По характеристике И.В. Ерофеевой, концентрация полномочий казахских правителей носила «пульсирующий» характер [15; 58]. Причина этого виделась современникам в своеволии казахов [6; 89]. Кроме того, в объяснении этого явления немалую роль, как принято считать, играл образ ведения хозяйства, который, в свою очередь, детерминировался погодно-географическими факторами казахской степи [15; 56–57, 13; 132].

С другой стороны, независимо от ситуации и обстоятельств получения власти, при любом уровне реальных возможностей того или иного казахского правителя важнейшей характеристикой, обуславливавшей легитимное функционирование ханской власти, как политического института, являлись выборы правителя. Только лишь принадлежность к правящей династии (чингизидов), без процедуры избрания и последующего провозглашения ханом, не делала претендента легитимным правителем в рамках существовавшего в то время государственного и традиционного (обычного) права казахов.

После убийства в 1748 году хана Абулхаира, при содействии оренбургских пограничных властей казахским ханом был избран Нуралы. После этого избрания впервые в истории казахско-русских отношений состоялось утверждение казахского хана русской императрицей, и была проведена торжественная процедура конфирмации [1; 1–8, 6; 443].

Некоторые исследователи отмечают, что именно этот случай утверждения Нуралы хана продемонстрировал официальное признание частью казахами верховенства русской монархии и, в целом, продемонстрировал усиление позиций Российской империи в регионе [15; 409, 16; 179].

Поэтому не случайно при изучении механизмов и символов имперской политики в отношении казахских ханств исследователи нередко обращаются к данному событию [17; 8–10, 18; 12, 19; 187, 194, 195, 199, 205, 20; 205–210, 21; 222–232].

Оценка событий, связанных с конфирмацией казахским ханом Нуралы в 1749 г., их значение для последующей историей позволили В.В. Трепавлову сделать вывод о том, что именно «с тех пор провозглашение ханов происходило посредством двух источников законности: с одной стороны, решения Съезда казахской аристократии, высшего духовенства и представителей родов, с другой — утверждения этого решения Императорской жалованной грамотой с патентом» [19; 194].

Учитывая территориальную и хронологическую близость, есть основания предполагать, что идея утверждения русским монархом верховного правителя казахов могла быть позаимствована оренбургской администрацией с оглядкой на калмыцкий опыт. За несколько лет до утверждения Нуралы ханом схожая процедура была проведена в Калмыцком ханстве [22].

Конечно, было бы преувеличением сказать, что с этого времени новые принципы, внесенные под воздействием российской стороны, сразу прижились и получили безусловное распространение и применение во всех случаях, пока существовала ханская власть в Степи. Это было только началом утверждения данной системы, и успех Петербурга не везде и не всегда был одинаковым. Ярким примером того служит история выборов в ханы известного казахского правителя второй половины XVIII столетия — хана Аблая.

Середина восемнадцатого столетия стала временем исторического успеха и роста популярности тогда еще носившего титул султана Аблая, которую он приобрел благодаря успешной внешней политике, особенно на востоке в отношении сперва Ойратского государства, а позднее в условиях придвинувшейся вплотную к казахским кочевьями Цинской империи. Хан Абулмамбет, являвшийся легитимным правителем, чья власть в свое время распространялась на казахов родов Среднего жуза, по сути, превратился в удельного правителя, сохраняя свой ханский титул во многом формально. Источники, датированные концом 1750-х годов, свидетельствуют о том, что к тому времени Абулмамбет хан оставил пределы своих кочевий и основался в районе города Туркестан, что стало его ответом на предложение контролировавших в свое время этот регион ойратов [6; 582].

Русские чиновники, в ведении которых находились вопросы выстраивания отношений с казахскими ханствами пограничными Оренбургу, учитывали ситуацию, которая складывалась в казахских землях. Она характеризовалась значительным укреплением политических позиций султана Аблая при одновременном явном падении политического авторитета хана Абулмамбета. Используя эти обстоятельства, российские чиновники предприняли шаги, посредством которых пытались укрепить влияние империи в регионе.

Суть этих шагов сводилась к тому, чтобы от имени правящего монарха (императрицы Елизаветы Петровны), как это уже было апробировано ранее в отношении Нуралы, хотя и в других обстоятельствах, вручить султану Аблаю ханский титул. То есть фактически предлагалась закрепить начавшиеся изменения в традиционной выборной системе казахов [6; 582].

Фактически предлагалось упредить процесс выборов в ханы Аблая, так как ситуация и так складывалась в его пользу. При этом важным моментом, олицетворяющим изменения в системе ханских выборов, должно было стать обязательное утверждение российской императрицей. Это, конечно, преследовало вполне конкретные политические цели, в случае реализации — получить весомый ры-

чаг влияния на казахских правителей посредством закрепления нового механизма в выборной системе казахов.

Русские администраторы А.И. Тевкелев и П.И. Рычков, курировавшие отношения России с казахами, предлагали своему правительству воспользоваться нахождением в России казахского посольства во главе с султаном Жолбарысом и в срочном порядке утвердить Аблая ханом [6; 582, 583].

Однако, как известно, в этом вопросе султан Аблай проявил твердость, и пока Абулмамбет хан оставался жив, отказывался от любой официальной процедуры выборов, в том числе и от их утверждения с российской стороны.

В 1771 году после смерти предыдущего верховного правителя Аблай избирается казахским ханом. Избрание состоялось в одном из главных городских центров казахов, выполнявшем в свое время роль столицы Казахского ханства, — в городе Туркестане. Особое значение имел и тот факт, что Туркестан являлся одновременно одним из духовных центров Центрально-Азиатского региона.

Источники сохранили воспоминания самого Аблая хана о состоявшихся выборах, которые записал побывавший у него позднее русский представитель — капитан Брехов. В частности, Брехов сообщил что Аблай «...ханское титуло [т.е. титул] приобрел еще прошлого 1771 года во время преследования бежавших из протекции е. и. в. волжских калмык» [цит. по: 23; 120]. Сами выборы, со слов казахского хана, происходили в г. Туркестане у Мавзолея почитаемого мусульманами региона Ходжа Ахмета Яссави в присутствии казахской знати всех жузов. Сама же процедура возведения в ханское достоинство включала «поднятие на белой кошме» [23; 120]. Это небольшое описание хорошо иллюстрирует саму процедуру избрания и некоторые обстоятельства, с ней связанные. Ниже мы остановимся отдельно на самой процедуре выборов в Казахском ханстве.

В общем, выборы 1771 года послужили поводом для новой попытки российских властей повлиять на традиционную систему избрания ханов в Степи. Однако она оказалась неудачной [24; 104].

Тем не менее, из приграничного Оренбурга все настойчивее предлагали Аблаю просить об утверждении его в ханском достоинстве российской стороной. Таким образом, предлагалось завершить и узаконить, как это представлялось в Петербурге, избрание Аблая ханом.

Спустя несколько лет после ханских выборов Аблай все же обратился в Санкт-Петербург с просьбой об утверждении его в звании общеказахского хана [23; 120].

Официальное обращение Аблая об утверждении его в ханском звании датируется февралем 1778 года, когда оно было вручено императрице во время нахождения в Санкт-Петербурге с дипломатическим поручением султана Тогума — сына Аблая. В своем обращении Аблай апеллировал к традиции наследования ханского титула у казахов. По его утверждению, после смерти ханов Абулхаира и Абулмамбета власть перешла к нему. При этом он претендовал на звание хана всех казахов и просил утвердить его императрицей [7; 87].

В мае 1778 года был дан царский указ («Патент»), согласно которому «подтверждалось» избрание Аблая ханом казахов Средней орды [7; 89, 90]. Однако, как известно, казахский правитель не был удовлетворен тем, что был признан русской стороной правителем только казахов Среднего жуза, и поэтому до конца жизни фактически не принимал присланные ему в Петропавловскую крепость как знаки царского благоволения — соболью шубу, шапку и саблю, так и саму Грамоту об утверждении его ханом [25; 267].

Однако и позже имперское правительство продолжило придерживаться политики утверждения казахских ханов. После смерти хана Аблая, последовавшей в конце 1780 года [9; 145–146], в 1781 году состоялись выборы нового хана, которым был избран его старший сын султан Вали [2; 36–36 об.].

В рамках выработанной ранее политики в отношении утверждения и избрания казахских ханов к Вали-султану был направлен директор Троицкой пограничной таможни коллежской асессор П.Н. Чучалов [2; 35; 26; 150]. Его задачей было передать царскую грамоту относительно выборов нового казахского правителя. П.Н. Чучалов должен был убедить самого Вали-султана и других казахских лидеров отправить в Санкт-Петербург официальное прошение утвердить императрицей избранного хана. Как показали последующие события, П.Н. Чучалов справился со своей задачей, и от Вали-султана последовало прошение об утверждении его в ханском достоинстве [7; 103].

Фактически в последние два десятилетия XVIII века складывается новая система избрания казахских ханов, суть которой сводилась к неременному утверждению в ханском достоинстве со стороны всероссийской императрицы.

При этом не следует преувеличивать степень и возможности влияния русского правительства на функционирование политических институтов, в том числе выборной системы в казахском обществе в тот период. Россия имела только дипломатические рычаги — воззвания, приезд послов, ведение переговоров, и поэтому для того периода необоснованным будет говорить непосредственно о «назначе-

нии» ханов, речь должна вестись только лишь об утверждении, которое показывало не столько реальные возможности влиять на происходящие в казахской степи события, сколько о намерениях и внешнеполитических амбициях Петербурга.

Например, после смерти Нуралы хана в 1790 г. Уфимская администрация поддерживает на выборах нового хана, кандидатуру одного из его братьев — султана Ералы [27; 200, 201]. Однако в официальном документе, адресованном казахской родовой знати приграничной Малой орды и непосредственно самому претенденту на ханский престол султану Ералы, однозначно не было и не могло быть, при всем желании, сказано, чтобы выбран был именно Ералы в ханы. В Грамоте от 29 января 1791 г. Екатерина II настаивает на том, что избрание в ханы состоялось в соответствии с существующими у казахов традициями, и тот, кого казахская знать выберет, тот и будет утвержден в ханском достоинстве русской монархиней, при этом имя какого-либо претендента не было названо [7; 134]. Даже в письме к самому Ералы, также датированном 29 января, которое являлось ответом на послание султана, императрица весьма четко указывает на предоставлении полной свободы в избрании хана [7; 133]. В случае же если выбор падет на самого Ералы, то правительство не будет против этого решения выступать и поддержит [7; 133].

Спустя годы при новом императоре, когда после гибели Есим хана вновь поднимается вопрос о выборе хана, и здесь мы не видим, чтобы имперское правительство назначило хана. В официальных документах речь лишь идет о том, чтобы лидеры казахов оставались лояльны империи, тогда как вопрос собственно выбора оставался однозначно за казахами. Об этом, например, довольно ясно свидетельствует один из указов российского императора Павла I оренбургскому военному губернатору О.А. Игельstromу, в котором монарх подчеркивал самостоятельный выбор казахами своего хана и поручал своему наместнику содействовать этому [3; 54–54 об.].

Более существенные изменения в выборную систему на территории Казахстана стали происходить уже в XIX веке, с начала активизации российской имперской политики в регионе после 1820-х годов, что стало началом нового этапа в развитии выборного процесса. При этом последовавшая ликвидация ханской власти сняла с повестки и вопрос о влиянии на выборы и утверждении казахских ханов.

Неотъемлемым элементом выборов ханов в казахском обществе и собственно их центральной частью была церемония возведения или точнее сказать «поднятие» в ханы. Данная процедура, сохранившаяся относительно в неизменном виде в кочевых государствах Евразии, просуществовала многие столетия.

Принципы «избрания» — провозглашения хана у казахов сохранили во многом формы еще «древнемонгольского обычая»: собрание знати на курултай, поднятие на белой кошме (хан кутармак / хан бар даштан) [10; 67–71, 28; 126, 127].

Важным условием при, по сути, безальтернативном выборе ханов у казахов являлось принадлежность кандидата к династии чингизидов по мужской линии и, как следствие, обладание титулом султана. По замечанию А.И. Тевкелева, весьма осведомленного об особенностях политической культуры казахов того времени, именно принадлежность к султанскому сословию давала возможность претендовать на титул хана [6; 99].

Что касается описания самой процедуры избрания ханов, к сожалению, как было отмечено выше, источники довольно скупы. Тем не менее, имеются некоторые описания, которые напрямую относятся к процедуре выборов хана. Они были сделаны участниками или наблюдателями события, что, конечно, делает эти известия еще более значимыми.

Для более ясного понимания приведем несколько известных сюжетов, в том числе один выходящий за хронологические рамки статьи, но необходимый для сравнения и выявления общих черт.

Первое описание церемонии зафиксировано в очень ценном историческом источнике «Сборнике летописей», авторство которого принадлежит Кадыр Али-беку, приближенному казахского султана Ураз-Мухаммеда, внука Шигай хана и родного племянника хана Таваккула. В 1600 году Ураз-Мухаммед был пожалован новым русским царем Борисом правителем города Касимова, с некоторыми окрестностями, и в то же время был возведен в ханское достоинство [29; 400–404].

По данным Кадыр Али-бека, избрание Ураз-Мухаммеда состоялось весной 1600 года. Тогда он был пожалован царем Борисом, затем некоторое время находился при царе в Москве и в конце весны того же года приехал в Касимов, где, спустя некоторое время (очевидно шла подготовка к «избранию»), ориентировочно в начале лета 1600 года, был избран в ханы/цари [30; 61].

Кадыр Али-бек так описывает (в переводе В.В. Вельяминова-Зернова) процедуру избрания Ураз-Мухаммеда: «Все мусульмане собрались в каменной мечети, построенной Шейх-Али-ханом. Внесли и разостлали золотую кошму. При этом находился, по указу Бориса Федоровича, и сын боярский. Тогда из старого еще юрта Буляк-сеид начал провозглашать хотбу. Затем четыре человека, взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана» [цит. по: 29; 402–404].

Другое описание процедуры избрания ханом представителя казахской правящей династии датируется 1781 годом. Это хотя и краткое, но весьма интересное историческое свидетельство содержится в рапорте Уфимского наместника И.В. Якоби, в ведении которого находился весь оренбургский край и взаимоотношения с казахскими правителями [2; 35–39 об.].

Уфимский наместник приводит данные, сообщенные ему П.Н. Чучаловым, непосредственно присутствовавшим во время описываемых событий и наблюдавшим избрание Вали ханом. Вот как процедура избрания казахских ханов происходила в 1781 году: «В день пятнишней вышли они, солданы, старшины и киргис-кайсаки, на степное пространное место, где по повторении того своего выбора, исполняя национальной свой древней обычай, по прочтении чрез привезенного из Ташкента ахуна и других духовных их людей молитв, и приличного к тому из курана песнословия, тотчас воздвигнули ево, Вали солтана, на белой кошме вверх и потом, опустя вниз, бывшую на нем одежду, кроме рубашки, сняли и для памяти того знаменитого произшествия верхнюю взяли себе солданы, а нижнюю, раздробя на мелкие части, разобрали старшины и киргисцы, вместо которой облекли его, Валия, в новую ханскому достоинству приличную» [2; 36–36 об.].

Хотя приведенные два примера избрания ханов хронологически стоят довольно далеко друг от друга — почти на двести лет, тем не менее, бросается в глаза их очевидная схожесть. Наличие подобных параллелей, между «воцарением» Ураз-Мухаммеда в Касимове в 1600 г. и избранием казахских ханов в XVIII столетии уже отмечалось в литературе [30; 61–63, 67].

Все это может свидетельствовать о сохранении традиции выборности (хотя часто и формальной) ханов на протяжении очень долгого периода. Как видим, в своей основе избрание казахских ханов фактически не изменялось на протяжении длительного времени, что дает основания предположить, во-первых, что «поднятие ханом» практиковалось и в более ранний период и, во-вторых, даже в условиях усиления позиций Российской империи и попыток воздействовать на политические институты власти казахов, в том числе регламентировать саму процедуру избрания [5; 369–374], имевшаяся в казахском обществе выборная система продолжала функционировать, по крайней мере, на протяжении XVIII столетия и даже позднее.

Есть свидетельства, которые позволяют утверждать, что сама процедура избрания казахских ханов сохранялась и в XIX веке в рамках все большей интеграции казахских земель в российское имперское пространство [28; 126–132, 31]. Избрание последнего казахского хана Кенесары в 1841 году произошло также же согласно традиционной процедуре, о чем свидетельствует сын Кенесары султан Ахмет, когда он много лет спустя, описывая события начала 1840-х годов, вспоминает и об избрании его отца ханом [32; 19].

Заключение

На примере функционирования института ханской власти в течение XVIII века можно наблюдать, как непосредственно функционировала традиционная для Казахского ханства система избрания ханов и какие изменения стали происходить в выборном процессе по мере укрепления позиций Российской империи в казахско-русском пограничье.

При этом, несмотря на усиление имперского присутствия, и все большего его влияния на развитие политических процессов в казахском обществе в позднеханский период, можно наблюдать две тенденции. Одна связана с попыткой и, как показала дальнейшая история, попыткой успешной, для российской стороны, оказать влияние на выбор претендента на ханский статус и на избирательную процедуру. Это, в первую очередь, выразилось в утверждении российским монархом избранного казахами хана. В дальнейшем, в конце XVIII века, стали проявляться новые признаки трансформации казахской выборной процедуры под имперским влиянием. Один из них — присутствие официального русского представителя во время процедуры избрания казахских ханов, как, это, например, произошло при выборах хана Вали в 1781 году. В начале 1790-х годов была даже предпринята попытка регламентировать саму процедуру избрания казахских правителей посредством правовых актов Российской империи.

Другая же тенденция состояла в том, что весь период существования ханской власти избрание ханов, вплоть до избрания в 1841 году последнего казахского хана, несмотря ни на какие политические и социальные изменения, в том числе вызванные влиянием извне, осуществлялось, по сути, в соответствии с многовековой традицией. Эта традиция воспроизводилась на протяжении всего периода существования сначала единого Казахского ханства, а в новое время уже децентрализованного и дефрагментированного казахского государства, представленного рядом ханств и султанатов. Фактически неизменной оставалась процедура «поднятия ханом» в присутствии и при одобрении массы населения. Хотя, конечно, нужно понимать, что, говоря об избирательном процессе в позднее средневековье и новое время, нельзя экстраполировать на них современные понятия выборного процесса. Тем не менее, избрание казахских ханов часто, хотя и весьма формальное, являлось явным признаком сохранения определенных традиций, связанных с существованием и функционированием своеобразной выборной системы на территории Казахстана в тот исторический период.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP08856071 «Казахстан и Россия: комплексное изучение истории становления и развития двусторонних взаимоотношений в новое и новейшее время (XVIII–начало XXI вв.)»).

Список литературы

- 1 АВПРИ. — Ф. 122. — Оп. 1. 1749 г. — Д. 8. — Л. 1–8.
- 2 АВПРИ. — Ф. 122. — Оп. 3. 1781–1784 гг. — Д. 2. — Л. 35–39 об.
- 3 РГАДА. — Ф. 5. — Оп. доп. — Д. 41. — Л. 54–54 об.
- 4 РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 18537. — Л. 1–8 об.
- 5 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. — Т. XXIII. — СПб., 1830. — 974 с.
- 6 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. док. и материалов / сост. Ф.Н. Киреев, А.К. Алейникова, Г.И. Семенюк, Т.Ж. Шоинбаев. — Алма-Ата: АН КазССР, 1961. — 743 с.
- 7 Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): сб. док. и материалов / сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев, К.Ж. Жунисбаев, В.С. Мусаева. — Алма-Ата: Наука, 1964. — 575 с.
- 8 Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата: Наука, 1969. — 652 с.
- 9 Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. — Алматы, 2007. — 516 с.
- 10 Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана / Т.И. Султанов. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 276 с.
- 11 Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств в XVIII–первой четверти XIX вв.: Хан Жанторе (1759–1809) / Ж. Касымбаев. — Алматы: Білім, 2001. — 364 с.
- 12 Таймасов С.У. Хан Абулхаир и другие чингизиды в башкирском национальном движении начала XVIII века / С.У. Таймасов // Қазақстан мұрағаттары. — 2008. — № 1 (5). — С. 119–129.
- 13 Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность / А.Ю. Быков // Этнографическое обозрение. — № 3. — 2006. — С. 127–148.
- 14 Бикенов А.Х. Принципы передачи ханской власти в традиционном казахском обществе (по материалам XVIII века) / А.Х. Бикенов, М.С. Жакин // Степной край Евразии: Международный Евразийский форум (III науч. конф.). — Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. — С. 78, 79.
- 15 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик / И.В. Ерофеева. — 3-е изд., испр. и доп. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 456 с.
- 16 Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики российской империи / В.Я. Басин. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 276 с.
- 17 Сухих О.Е. Как «чужие» становятся «своими», или Лексика включения Казахской степи в имперское пространство России / О.Е. Сухих // Вестн. Евразии. — 2005. — № 3. — С. 5–29.
- 18 Трепавлов В.В. «Древнее обыкновение» и царская инвеститура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVIII–начала XX в. / В.В. Трепавлов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2015. — № 4. — С. 5–16.
- 19 Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. / В.В. Трепавлов. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. — 320 с.

- 20 Кундакбаева Ж. Б. Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке / Ж.Б. Кундакбаева. — Алматы: Қазақ университеті, 2019. — 384 с.
- 21 Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII–первая половина XIX в. / Д.В. Васильев. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. — 608 с.
- 22 Тепкеев В.Т. «Всемиловнейше жалуюм тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. / В.Т. Тепкеев // *Oriental Studies*. — 2019 (4). — С. 627–633.
- 23 Сулейменов Р.Б. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая) / Р.Б. Сулейменов, В.А. Моисеев. — Алма-Ата: Наука, 1988. — 144 с.
- 24 Шалгимбеков А.Б. Колониальная дипломатия России и казахский правитель Аблай хан / А.Б. Шалгимбеков // *Историческая и социально-образовательная мысль*. — 2014. — № 3 (25). — С. 103–105.
- 25 Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. — Часть вторая. Исторические известия / А.И. Левшин. — СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. — 334 с.
- 26 Таймасов С.У. Переводчик оренбургской губернской канцелярии Петр Чучалов / С.У. Таймасов // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2009. — № 32 (170). — С. 148–151.
- 27 Вяткин М.П. Очерки истории Казахской ССР с древнейших времен до 1870 г. / М.П. Вяткин. — Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. — 367 с.
- 28 Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. — Часть третья. Этнографические известия / А.И. Левшин. — СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. — 304 с.
- 29 Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. — Часть вторая. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1864. — 501 с.
- 30 Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии / А.В. Беляков. — Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. — 208 с.
- 31 Васильева Н.Е. Известия губернатора Оренбургской губернии Г. С. Волконского об инаугурации казахского хана младшего Жуза Жанторе. Новые материалы / Н.Е. Васильева // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. — 2019. Т. 10. — Вып. 1 (75) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002551-5-1/>.
- 32 Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык / А. Кенесарин. — Алма-Ата: Жалын, 1992. — 144 с.

Н.С. Лапин

XVIII ғасырдың екінші жартысында Ресей империясының позициясын нығайту жағдайында қазақ хандарын сайлау және бекіту

Мақалада XVIII ғасырдың екінші жартысындағы қазақ қоғамындағы хан билігінің қызмет ету мәселесі зерттелген. Сол кезде Ресей шекаралық әкімшілігі қазақ қоғамына ықпалын күшейту әрекеттерін жасаған, бұл қазақ хандарын сайлау және заңдастыру тәртібін өзгертуге бағытталған саясаттан көрінеді. Мақаланың мақсаты — XVIII ғасырдың екінші жартысындағы қазақ билеушілерін хандық дәрежеде сайлау және бекіту процесі мен тәртібіне империялық әкімшіліктің ықпал ету әрекеттері жағдайында қазақ хандарын сайлау мәселесін зерттеу. Бұл әрекеттердің қалай жүзеге асырылғанын және олардың қандай нәтижелерге әкелгенін көрсету маңызды міндет болып табылады. Тағы бір міндет — мұрағат материалдары негізінде қазақ хандарын сайлау мен бекіту рәсімін және орыс билігінің ықпалымен пайда болған жаңалықтарды көрсету. Мақалада РИИСМ, ЕАРММ, РМӨТМ-дан алынған құжаттар, сондай-ақ жарияланған материалдар пайдаланылған. XVIII ғасырдың орта шенінен бастап орыс патшасы хандық дәрежесінде бекіткен, тұңғыш қазақ билеушісі болған Нұралының қазақ ханы болып сайлануына орынборлық әкімшіліктен ықпал ету әрекеттері жасалған. Алайда, бұл жаңашылдықты енгізу ұзаққа созылған, бұл ең алдымен сұлтанның, содан кейін Абылай ханның ұстанымымен байланысты болды. Ресей империясының қазақтың билеуші хандарын бекіту процесіне айқын әсер етуіне қарамастан, XVIII ғасыр бойы және тіпті кейінірек қазақтар хандарды сайлау және жариялау рәсіміне байланысты көптеген элементтерді сақтап қалды.

Кілт сөздер: қазақ хандығы, Ресей империясы, Орынбор әкімшілігі, XVIII ғ. хан билігі, сайлау, растау, ант беру, Нұралы хан, Абылай хан.

N.S. Lapin

The election and approval of Kazakh khans in the context of strengthening the position of the Russian Empire in the second half of the XVIII century

The article studies the problem of functioning of the khan's power in the Kazakh society in the second half of the XVIII century. At this time, the Russian border administration attempted to strengthen its influence on

Kazakh society, which was manifested in a policy aimed at transforming the procedure of electing and legitimizing Kazakh khans. The purpose of the article is to study the problem of election of Kazakh khans in the conditions of attempts of the Imperial administration to influence the process and procedure of election and approval of Kazakh rulers in the Khan's dignity in the second half of the XVIII century. An important task is to show how these attempts were implemented and what results they led to. Another task is to show the procedure of election and approval of Kazakh khans and the innovations that appeared under the influence of the Russian authorities based on archival materials. The article uses materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Russian State Military Historical Archive, Russian State Archive of Ancient Acts, as well as published documents and materials. Since the middle of the XVIII century, the Orenburg administration made attempts to influence the election of Nurali Khan of the Small Horde, who became the first Kazakh ruler to be confirmed in the dignity of Khan by the Russian monarch. In the Middle Horde, the introduction of this innovation was delayed, which was primarily due to the position and real capabilities of the Sultan, and then Ablai Khan. Having established a noticeable control over the Kazakh clans of the Middle Horde while still a Sultan, he continued to strengthen his influence among the Kazakhs, which drew the attention of the Russian administration to him. In the late 1750s, he offered the title of Khan, with the condition of approval in this title in St. Petersburg, but this attempt was unsuccessful. The next attempt was made in the 1770s, when Ablai, who had been already elected Khan by the Kazakhs, asked to approve St. Petersburg in this dignity. Despite the obvious influence of the Russian Empire on the process of approval of Kazakh rulers by the khans, throughout the XVIII and even later, the Kazakhs retained many elements related to the procedure of election and proclamation of khans.

Keywords: Kazakh khanates, Russian Empire, Orenburg administration, khan power in XVIII century, election, confirmation, oath, Nurali khan, Ablai khan.

References

- 1 AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. — F. 122. — Op. 1. 1749. — D. 8. — L. 1–8 [in Russian].
- 2 AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. — F. 122. — Op. 3. 1781–1784. — D. 2. — L. 35–39 ob. [in Russian].
- 3 RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. — F. 5. — Op. dop. — D. 41. — L. 54–54 ob. [in Russian].
- 4 RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. — F. 846. — Op. 16. — D. 18537. — L. 1–8 ob. [in Russian].
- 5 (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XXIII. Saint Petersburg [in Russian].
- 6 Kireev, F.N., Aleinikova, A.K., Semeniuk, G.I., & Shoinbaev, T.Zh. (1961). *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh: sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian Relations in the XVI–XVIII Centuries: Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata: Akademii nauk KazSSR [in Russian].
- 7 Kireev, F.N., Basin, V.Ya., Shoinbaev, T.Zh., Zhunisbaev, K.Zh., & Musaeva, V.S. (1964). *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody): sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian Relations in the XVIII–XIX Centuries (1771–1867): Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 8 (1969). *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th Centuries (Excerpts from Persian and Turkic Works)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 9 Erofeeva, I.V., & Zhanaev, B.T. (2007). *Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnym kazakhskim stepiam. XVIII–XIX veka* [Travel diaries and service notes on trips to the southern Kazakh steppes. XVIII–XIX centuries]. Almaty [in Russian].
- 10 Sultanov, T.I. (2001). *Podniatie na beloi koshme. Potomki Chingiz-khana* [Raised on a white felt mat. Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 11 Kasymbaev, Zh. (2001). *Gosudarstvennye deiateli kazakhskikh khanstv v XVIII — pervoi chetverti XIX vv.: Khan Zhantore (1759–1809)* [Statesmen of the Kazakh khanates in the 18th century and the first quarter of the 19th century: Khan Zhantore (1759–1809)]. Almaty: Bilim [in Russian].
- 12 Taimasov, S.U. (2008). *Khan Abulhair i drugie chingizidy v bashkirskom natsionalnom dvizhenii nachala XVIII veka* [Abulhair Khan and other Chingizids in the Bashkir national movement of the early 18th century]. *Qazaqstan muragattary — Kazakhstan archives*, Vol. 1 (5), 119–129 [in Russian].
- 13 Bykov, A.Yu. (2006). *Khanskaia vlast u kazakhov: zvanie i/ili dolzhnost* [Khan power among the Kazakhs: title and / or position]. *Etnograficheskoe obozrenie — Ethnographic Review*, Vol. 3, 127–148 [in Russian].
- 14 Bikenov, A.Kh., & Zhakin, M.S. (2003). *Printsipy peredachi khanskoi vlasti v traditsionnom kazakhskom obshchestve (po materialam XVIII veka)* [Principles of the Transfer of Khan Power in Traditional Kazakh Society (Based on 18th Century Materials)]. *Stepnoi krai Evrazii: mezhdunarodnyi Evraziiskii forum (III nauchnaia konferentsiia) — Eurasian Steppe Region: International Eurasian Forum (III Scientific Conference)*. Omsk: Omskii gosudarstvennoi universitet, 78, 79 [in Russian].
- 15 Erofeeva, I.V. (2007). *Khan Abulhair: polkovodets, pravitel, politik* [Abulhair Khan: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press [in Russian].

- 16 Basin, V.Ya. (1971). Rossiia i kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vv.: Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki rossiiskoi imperii [Russia and the Kazakh Khanates in the 16th–18th Centuries: Kazakhstan in the Foreign Policy System of the Russian Empire]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 17 Sukhikh, O.E. (2005). Kak «chuzhie» stanoviatsia «svoimi», ili Leksika vklucheniia Kazakhskoi stepi v imperskoe prostranstvo Rossii [How “Strangers” Become “Our Own”, or the Vocabulary of the Inclusion of the Kazakh Steppe in the Imperial Space of Russia]. *Vestnik Yevrazii — Eurasia Bulletin*, 3, 5–29 [in Russian].
- 18 Trepavlov, V.V. (2015). «Drevnee obyknovenie» i tsarskaia investitura. Vosshestvie na tron vassalnykh pravitelei v Rossii XVII–nachala XX v. [“Ancient custom” and tsarist investiture. The ascension to the throne of vassal rulers in Russia in the 17th and early 20th centuries]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost — East. African-Asian Societies: History and Modernity*, 4, 5–16 [in Russian].
- 19 Trepavlov, V.V. (2018). Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the 16th–19th centuries]. Saint Petersburg: «Izdatelstvo Olega Abyshko» [in Russian].
- 20 Kundakbaeva, Zh. B. (2019). Organizatsiia imperskogo prostranstva v kochevoi srede: kazakhi i volzhskie kalmyki v orbite vnimaniia Rossii v XVIII veke [Organization of imperial space in a nomadic environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in the orbit of Russian attention in the 18th century]. Almaty: Qazaq universiteti [in Russian].
- 21 Vasilev, D.V. (2020). Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII–pervaia polovina XIX v. [The Birth of the Empire. South-East of Russia: 18th — first half of the 19th century]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin [in Russian].
- 22 Tepkeev, V.T. (2019). «Vsemilostiveishe zhaluem tebia, poddannogo Nashego, i uchrezhdaem Khanom Kalmytskim». Tseremoniia obiavleniia Donduk-Ombo v khanskoe dostoinstvo v 1737 g. [“We most graciously grant you, our subject, and establish you as the Khan of Kalmyk”. The ceremony of announcing Donduk-Ombo as Khan in 1737]. *Oriental Studies*, 4, 627–633 [in Russian].
- 23 Suleimenov, R.B. (1988). Iz istorii Kazakhstana XVIII veka (o vneshnei i vnutrennei politike Ablai) [From the history of Kazakhstan in the 18th century (on Ablai’s external and internal policies)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 24 Shalgimbekov, A.B. (2014). Kolonialnaia diplomatiia Rossii i kazakhskii pravitel Ablai khan [Russian Colonial Diplomacy and the Kazakh Ruler Ablai Khan]. *Istoricheskaia i sotsialno-obrazovatelnaia mysl — Historical and Socio-Educational Thought*, 3 (25), 103–105 [in Russian].
- 25 Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kaisakskikh ili, kirgiz-kazachikh ord i stepei. Chast vtoraiia. Istoricheskie izvestiia [Description of the Kirghiz-Kaisak or, Kirghiz-Cossack hordes and steppes. Part two. Historical Notes]. Saint Petersburg: V tipografii Karla Kraiia [in Russian].
- 26 Taimasov, S.U. (2009). Pervodchik orenburgskoi gubernskoi kantselarii Petr Chuchalov [Pyotr Chuchalov, Interpreter of the Orenburg Provincial Chancellery]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 32 (170), 148–151 [in Russian].
- 27 Viatkin, M.P. (1941). Ocherki istorii Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do 1870 g. [Essays on the history of the Kazakh SSR from ancient times to 1870]. Leningrad: OGIZ. Gospolitizdat [in Russian].
- 28 Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaisakskikh ord i stepei. Chast tretia. Etnograficheskie izvestiia [Description of the Kirghiz Cossacks, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes. Part Three. Ethnographic news]. Saint Petersburg: Tipografii Karla Kraiia [in Russian].
- 29 Veliaminov-Zernov, V.V. (1864). Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh [A Study of the Tsars and Tsareviches of Kasimov]. Saint Petersburg: Tipografii Imperatorskoi Akademii nauk [in Russian].
- 30 Beliakov, A.V. (2019). Uraz-Mukhammed ibn Ondan i Isinei Karamyshev syn Musaitov. Opyt sovmestnoi biografii [Uraz-Muhammad ibn Ondan and Isinei Karamyshev son of Musaits. Experience of joint biography]. Almaty: ABDI Company JSC [in Russian].
- 31 Vasileva, N.E. (2019). Izvestiia gubernatora Orenburgskoi gubernii G.S. Volkonskogo ob inauguratsii kazakhskogo khana mladshhego Zhuza Zhantore. Novye materialy [News of the Governor of the Orenburg Province G.C. Volkonsky on the inauguration of the Kazakh Khan of the Younger Zhuz Zhantore. New Materials]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal «Istoriia» — Electronic scientific and educational journal “History”*, Vol. 10, Iss. 1 (75). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840002551-5-1/> [in Russian].
- 32 Kenesarin, A. (1992). Sultany Kenesary i Syzdyk [Kenesary and Syzdyk Sultans]. Alma-Ata: Zhalyn [in Russian].